

ГАЛИНА КОЛОСКОВА

РАЗВОД

Я ВЗЛЕЧУ, А ТЫ *Ползай*

Галина Колоскова

Развод. Я взлечу, а ты ползай

«Автор»

2026

Колоскова Г.

Развод. Я взлечу, а ты ползай / Г. Колоскова — «Автор», 2026

На лице Леры — не ужас, не раскаяние. Быстрое, как вспышка, замешательство, которое тут же сменяется вызовом. Она даже не прикрывается. Наглый взгляд скользит по мне сверху вниз, по моей дорожной одежде, по туфлям с удобной для поездки подошвой, по дорожной сумке, и в нём читается что-то вроде жалости— Ты давно перестала быть женщиной, Алиса. Ты холодная. Предсказуемая. В тебе давно нет жажды жизни. Я устал быть «мужем Алисы». Устал жить внутри твоего безупречного, выверенного до миллиметра мира. Муж говорит спокойно, методично, как будто читает доклад о несостоятельности бизнес-партнёра. Киваю на уже бывшую подругу. — Живая?.. — голос звучит хриплым эхом. Я смотрю не на него, а на Леру, на тонкую руку, всё ещё лежащую на его плече. — Она живая на моих простынях. С моим мужем. В моём доме.— В моём доме, — поправляет он, и его губы растягиваются в тонкой, безжизненной усмешке. — Всё, что ты видишь вокруг, куплено на мои деньги!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Галина Колоскова

Развод. Я взлечу, а ты ползай

Глава 1

Свет софитов режет глаза, превращая зал галереи в ослепительный аквариум, где я — центральный экспонат. Вспышки фотокамер отбивают ритм, синхронный с пульсацией в висках.

«Браво, Алиса!»

«Гениальная концепция!»

«Вы снова меняете правила игры!»

Улыбка, ставшая частью профессионального грима, зафиксирована на лице. Я ловлю поцелуи возле щёк, крепкие рукопожатия. На меня льются брызги шампанского и лесть.

Всё получилось. Проект «Тишина цвета», над которым я билась полгода, — триумф. Итальянские критики разводят руками, находя в моей подборке русских художников «то болезненное и прекрасное, что рождается на стыке миров». Мой агент, сияя, шепчет на ухо цифры предварительных продаж. Они заоблачные.

А в глубине души — полная, оглушительная тишина. Пустота, которую не заполняет даже этот успех.

В кармане платья вибрирует телефон. Олег. Я отхожу к монолитной бетонной колонне, отгораживающей меня от шума.

«Горжусь тобой, звезда. Жду дома.»

Пять слов. Идеально выверенных. Как пресс-релиз. Ни тепла, ни смайлика, ни «соскучился». Просто констатация факта: он — муж успешной женщины, и это его должное.

В отеле в очередной раз смотрю на сообщение, и в горле встаёт ком. Не обида. Скорее, усталое осознание. Так происходит в последнее время. Диалоги, сводящиеся к обсуждению счетов, графиков его встреч, моих поездок. Наша спальня стала ещё одной переговорной комнатой. Безликой, стильной и холодной, как этот выставочный зал.

Завтра наша двенадцатая годовщина. Двенадцать лет. Половина моей взрослой жизни. А мы даже не обсуждали, как отметим очередную пятилетку. Он, наверное, заказал столик в очередном пафосном ресторане, где мы станем молча есть, поглядывая на часы.

Щелчок в голове происходит мгновенно, почти инстинктивно. Я открываю приложение авиакомпании. «Изменить бронирование». Билет на завтрашний вечер меняю на рейс, вылетающий через три часа. Утренний рейс. Сюрприз.

Мысль вызывает прилив азарта, почти забытого чувства. Я не просто жена, возвращающаяся с работы. Я — творец сюрприза, режиссёр маленького личного спектакля. Возможно, этот жест, это неожиданное появление разорвёт ледяную плёнку, что постепенно затягивает нас обоих.

— Сигна, всё в порядке? — Ко мне подходит владелец галереи, старый хитрый лис Франко.

— Всё прекрасно, Франко. Просто семейные дела. Мне нужно срочно в Москву.

— Ах, любовь... — качает головой, притворно вздыхая. — Она всегда важнее искусства. Улетайте, наша леди. Свою работу здесь вы сделали блестяще!

Последние полчаса — автографы, прощальные комплименты. Я сбегая с вернисажа, оставив позади гул голосов и запах дорогого парфюма. Прошу таксиста по дороге в аэропорт заскочить в антикварную лавку, когда-то обожаемую нами с Олегом. Беру бутылку «БрунеллодиМонтальчино» года, в который его стартап получил первые инвестиции. А уже на выходе,

взгляд цепляется за папку с эскизами в углу. Молодой, скандальный флорентийский график, о котором мы спорили в прошлый приезд. Олег говорил, что это «мазня», я — что гениальная провокация. Беру и её. Пусть будет повод для спора, для живого разговора, для всего чего угодно, кроме молчания.

В самолёте, наконец, можно выдохнуть. Прижимаюсь лбом к холодному иллюминатору. Внизу проплывают огни спящих городов, и мысли, отгоняемые суетой, наваливаются тяжёлым, неумолимым грузом.

Двенадцать лет... Я, Алиса Сомова — выпускница Строгановки с горящими глазами и папкой дерзких проектов. Он, Олег, — амбициозный IT-гений с идеей, которую все тогда считали бредовой. Мы встретились на презентации, где я выставяла свои дипломные работы. Он подошёл не к картинам, а ко мне. Сказал: «Ваше искусство — это код. Я хочу его расшифровать».

Он расшифровал. И я поверила. Вложила в его проект первые гонорары от скромных заказов. Не деньги — веру. А потом в ход пошли мои связи, моё умение подать, преподнести, «продать» не продукт, а мечту. Я водила его по светским раутам, где он чувствовал себя рыбёшкой на суше, а я была его переводчиком, его лицом, его щитом. Я говорила на языке блестящего, пустого мира, чтобы он мог говорить на языке кода и бизнеса.

Наш лофт в центре Москвы — моя победа. Моя дипломная работа, выросшая в жизненное пространство. Я месяцами искала эти кирпичные стены, выбивала разрешения, вычерчивала план, где каждый луч света падает под нужным углом. Где его минималистичный кабинет гармонично существует с моей мастерской. Это был наш общий проект в самом начале. А потом он стал просто «домом». Фоном одиночества живущих рядом людей.

Когда мы перестали быть соавторами и превратились в соседей по шикарной жилплощади? Когда его «горжусь тобой» стало звучать бездушным отчётом перед акционерами? Когда мои успехи стали не нашей общей радостью, а его личным трофеем, нуждающимся в демонстрации?

Стюардесса вежливо предлагает плед. Я качаю головой. Предвкушение сменилось липкой, необъяснимой тревогой. Что, если сюрприз не сработает? Что, если он вообще забудет про годовщину? Душа замирает перед последним вопросом. Что, если он... не один?

Отгоняю эту мысль как абсурдную. Нет! Не в характере Олега. Он прагматик. Измена — это нерациональная угроза репутации, бизнесу, всему, что он выстроил. Он не станет рисковать!

Самолёт касается полосы «Шереметьево» на рассвете. Москва встречает меня свинцовым небом и слякотью. Я не звоню, не пишу. Ловлю такси. Сердце стучит чаще, чем нужно. Это уже не тревога. Это азарт. Адреналин бурлит в крови.

Водитель включает радио, там играет какая-то старая лирическая песня. Я смотрю на мелькающие за окном огни рекламных щитов, на знакомые улицы. Дом... Мой дом. Наш дом. Сейчас я открою дверь, пройду на цыпочках в спальню... И что? Разбужу его поцелуем? Он удивится? Обрадуется?..

Такси останавливается у родного подъезда. Я расплачиваюсь, беру сумку и пакет с подарками. Рука тянется к домофону, но я останавливаюсь в миллиметре от кнопки. Ключ. У меня есть ключ!

Лифт мягко поднимается на наш этаж. Тишина. Глухая тишина премиум-жилья. Я прикладываю палец к сканеру. Щелчок замка кажется невероятно громким.

Вхожу. В холле горит дежурный свет. Всё на своих местах: его пара идеально начищенных туфель, моя японская ваза с сухой веткой. Порядок. Абсолютный.

И тогда я слышу это. Приглушённый, сдвленный смех. Женский. До боли знакомый.

Он доносится из спальни.

Лёд обволакивает всё внутри, сковывая дыхание. Ноги сами несут вперёд. Дверь в спальню приоткрыта. Из щели струится тёплый желтоватый свет и этот смех. И ещё один голос. Низкий. Спокойный. Олега.

Я не дышу. Я — призрак в собственном доме. Рука толкает тяжёлую дверь.

И мир раскалывается на «до» и «после».

Глава 2

Время останавливается. Звуки исчезают. Остаётся только картина передо мной, написанная в пошлых, кричащих красках предательства.

Они на нашей кровати. На шёлковых простынях от Missoni, за которыми я охотилась полгода, договаривалась с менеджером в Милане, ждала. Теперь они смяты, безобразно свисают до пола. Олег полусидит, прислонившись к подголовнику из мягкой кожи. Он не обнимает её. Он просто существует рядом, как хозяин, позволяющий питомцу лежать на своей территории. И она — Лера.

Лера. Дизайнер интерьеров. Подруга. Сестра по духу, как я наивно считала. Мы просидели вместе десятки ночей над чертежами клуба «Эон», пили коньяк из бокалов, сейчас валяющихся опрокинутыми на полу, смеялись, мечтали. Её рыжие волосы, всегда собранные в небрежный, но идеальный пучок, теперь растрёпаны по моим подушкам. Она что-то шепчет ему на ухо и смеётся. Лёгким, серебристым смехом, который я всегда находила таким заразительным.

Я стою в дверном проёме, и меня не замечают. Я — привидение в собственном доме. Сумка выскальзывает из онемевших пальцев и падает на паркет с глухим стуком.

Звук, наконец, прорывается в их мир. Два лица поворачиваются ко мне.

На лице Леры — не ужас, не раскаяние. Быстрое, как вспышка, замешательство, которое тут же сменяется вызовом. Она даже не прикрывается. Наглый взгляд скользит по мне сверху вниз, по моей дорожной одежде, по туфлям с удобной для поездки подошвой, по дорожной сумке, и в нём читается что-то вроде... жалости.

Но главное — Олег. Его лицо. Ни капли паники. Ни тени стыда. Только лёгкое, досадливое раздражение, как если бы его отвлекли от важного дела. Он медленно, с преувеличенной неспешностью, отодвигается от Леры. Не для того, чтобы вскочить. Просто чтобы занять более удобную позицию для разговора.

— Алиса, — произносит он моё имя ровным, холодным тоном. — Ты же должна была прилететь завтра.

Голос не дрожит. В нём нет извинений. Есть лишь констатация нарушения графика.

Во мне всё закипает. Горячая волна поднимается от пят к горлу, грозя вырваться криком, истерикой, потоком боли, разрывающей грудь. Но что-то более сильное, холодное и острое, как скальпель, сдерживает этот поток. Я не издаю ни звука. Я просто смотрю на него.

— Не смотри на меня так, — в его голосе прорывается холодность, которую я раньше принимала за сдержанность. — Это не делает тебя героиней трагической пьесы. А доказывает твою невнимательность.

Слова врезаются в тишину.

— Ты давно перестала быть женщиной, Алиса. Ты стала артефактом. Брендом. Ты говоришь со мной о Кандинском и специфичных инсталляциях. Ты приносишь в постель каталоги и рассуждения о перформативности жеста. Ты холодная. Предсказуемая. В тебе давно нет жажды жизни. Я устал быть «мужем Алисы». Устал жить внутри твоего безупречного, выверенного до миллиметра мира.

Он говорит спокойно, методично, как будто читает заранее подготовленный доклад о несостоятельности бизнес-партнёра. Киваю на уже бывшую подругу.

— Живая?.. — голос звучит хриплым эхом. Я смотрю не на него, а на Леру, на тонкую руку, всё ещё лежащую на его плече. — Она живая на моих простынях. С моим мужем. В моём доме.

— В моём доме, — поправляет он, и его губы растягиваются в тонкой, безжизненной усмешке. — Всё, что ты видишь вокруг, куплено на мои деньги. Этот лофт? Инвестиция. Твои

картины на стенах? Их покупают, потому что я знаком с нужными людьми, которые делают одолжение моей жене. Твоя галерея в Милане? Кто, по-твоему, обеспечил первоначальный капитал и выход на итальянских инвесторов? Ты была приятным приложением. Входом. Облицовкой. Но фундамент — всегда был мой.

Каждое слово — не просто ложь, а переписывание нашей общей истории. Стирание двенадцати лет моей жизни, моей веры, моего труда. Он вычёркивает меня из уравнения как незначительную переменную.

— Ты хочешь сказать, что я... что всё, чего я добилась...

— Обслуживание, — перебивает он ухмыляясь. Чисто, чётко, как ставят точку в договоре. — Ты обеспечивала необходимый социальный и эстетический сервис. И я оплатил его сполна.

Лера наконец-то шевелится. Не для того, чтобы уйти. Она прикрывается краем простыни. В её позе не смущение, а любопытство. Она с удовольствием наблюдает за интересным спектаклем.

— Олег... — начинаю, но голос снова предательски срывается.

— Собирай вещи, — он смотрит в пространство мимо меня. — Я не человек мелких сцен. Квартиру на Рублёвке, что мы купили три года назад, оставлю тебе. Будем считать это окончательным расчётом. За годы... обслуживания. Всё остальное — моё. В том числе контакты и репутация. Советую не делать из себя мученицу в соцсетях. Это ударит в первую очередь по тебе.

Во мне что-то ломается. Окончательно и бесповоротно. Это не боль, а полное опустошение. Как если бы из тебя вынули весь воздух, все мысли, все чувства. Осталась лишь ледяная, кристальная ясность.

Он не просто изменил. Он уничтожил наше прошлое. Он объявил мою жизнь, мою личность — услугой. И теперь, найдя более «живую» замену, выставляет меня за порог с отступными.

Я медленно наклоняюсь и поднимаю свою сумку. Ноутбук. Документы. Папка с эскизами скандального флорентийца, которую я не успела ему подарить. Всё, что является моим по праву творца, а не «обслуживающего персонала».

Прохожу мимо кровати. Не смотрю на них. Взгляд выхватывает детали: нашу общую фотографию в серебряной раме на тумбочке, разбитый бокал, её ярко-алый лак на ногтях, контрастирующий с благородным цветом стен, который я выбирала две недели.

Останавливаюсь в дверях. Не оборачиваюсь.

— Вино и эскизы в прихожей, — говорю в пространство бесстрастным голосом. — Годовщина. Сюрприз.

За моей спиной — мёртвая тишина.

Я выхожу в прихожую. Беру бутылку «Брунелло» и папку. Несу их к мусорному ведру с умной системой сортировки, ещё одной нашей совместной «идее для жизни». Открываю люк для стекла. Бутылка падает внутрь с глухим стуком. Папку с эскизами разрываю пополам и отправляю вслед за вином.

Затем открываю входную дверь и выхожу в коридор. Дверь медленно, почти беззвучно закрывается за спиной, отрезая от всего, что было моей жизнью.

Я стою у лифта. В пальто, с одной сумкой. Ни слёз, ни истерики. Смысл? Олега этим не пронять. Что-либо исправить — тем более. Ледяное, всепоглощающее спокойствие. Лифт приезжает с тихим шелестом. Двери раздвигаются.

Внутри, прислонившись к зеркальной стене, стоит мужчина. Высокий, в тёмном пиджаке поверх чёрной водолазки. В руках — лёгкий чемодан на колёсиках. Он смотрит на меня. Не с любопытством, не с жалостью. С вниманием. Как смотрят на интересное явление.

Наши взгляды встречаются на секунду. В его глазах не вопрос «что случилось?», а нечто иное. «Ты справишься?»

Лифт начинает движение вниз. Тишина. И только сейчас, до меня доходит чудовищная глубина произошедшего.

Олег не просто предал меня. Он объявил войну в которой считает себя единственным владельцем поля боя, истории и моего будущего.

Лёд внутри даёт первую трещину. И за ней поднимается не боль, а ярость. Холодная, тихая, беспощадная.

Двери лифта открываются в пустой холл. Незнакомец выкатывает чемодан и, не оборачиваясь, идёт к дверям.

Я выхожу на улицу. Утренний морозец бьёт по лицу, забираясь под одежду. Поднимаю голову, смотрю на стеклянные фасады нашего дома, уходящие в серое московское небо.

Олег ошибся. Страшно ошибся. Он купил моё молчание, мою покорность, мою любовь. Но он никогда не владел мной.

Достаю смартфон. Отключаю его. Полная тишина.

Он думает, что выставил меня в ночь с одной сумкой. Не догадывается, что выпустил на волю «бренд», «артефакт», с заложенной в них разрушительной силой, устройство которой никогда не понимал.

Решил заменить меня на что-то «живое». Пусть попробует. А я... я только что родилась заново. И первое, что сделает новорождённая Алиса, — найдёт адвоката. Не для того, чтобы вернуть прошлое. Для того, чтобы уничтожить будущее предателя!

Глава 3

Отель «Метрополь» — не место для сломленных. Гостиница-легенда, где стены помнят Шаляпина и Есенина. Я выбрала отель не потому, что здесь шикарно. Я выбрала его потому, что здесь нет ни одного угла, связанного с Олегом. Здесь моя история начнётся с чистого листа. Нейтральная территория.

Мой номер — «люкс для бизнеса». Пространство, лишённое души: дорогой текстиль, идеальные линии, вид на Театральную площадь. Скидываю пальто на спинку кресла и замираю посередине комнаты. Тишина громче любого шума. В ней слышится эхо унижительных слов: «обслуживание», «оплата».

Смартфон лежит на столе раскалённым угольком. Беру его в руки. Ещё до того, как экран оживает, знаю, что увижу. Десятки пропущенных. От Олега. От Леры. От «общих друзей», от чьего-то любопытства уже тошнит.

Я не читаю сообщения. Не слушаю голосовые. Захожу в настройки и создаю два новых правила. Все входящие от Олега и от Леры — автоматически отклоняются и отправляются в архив. Без уведомлений. Без возможности побеспокоить. Тишина должна быть абсолютной. Созрею посмотреть их, сделаю это.

Затем открываю рабочий чат. Он взрывается. Не соболезнованиями по случаю похорон семейной жизни. Вопросы.

«Алиса, это правда, что вы с Олегом...?»

«Дорогая, мы все в шоке. Лера? Серьёзно?»

«Коллега, просочилась информация, что ваш контракт с галереей Франко под угрозой, так как спонсором был Олег. Нужно срочно созвониться!»

Последнее сообщение заставляет на секунду замереть сердце. Но только на секунду. Я печатаю ответ, пальцы быстро выбивают слова на клавиатуре: «Контракт со мной, а не с моим семейным положением. Всё под контролем. Спасибо за беспокойство». Ложь. Блеф. Но блеф — это тоже оружие.

Звоню агенту в Италию. Франко берёт трубку не сразу. Сладкий голос звучит неестественно бодро.

— Алиса, моя дорогая! Я слышал... печальные новости.

— Франко, — перебиваю его, — как продажи по «Тишине цвета»? Есть предварительные итоги?

— Да, конечно, всё прекрасно! Но... есть нюанс. Видишь ли, некоторые коллекционеры, тесно связанные со сферой IT, выразили... сомнения. Насчёт будущих проектов. Без стабильного...

— Без Олега, — заканчиваю я за него. — Они хотят гарантии, которые я сейчас не могу дать.

— Ты всё понимаешь, *дорогая*. Искусство — это эмоции, но фонды — это цифры.

Дверь в номер — граница между мирами. За ней меня уже ждут стервятники. Я это чувствую.

Делаю глубокий вдох и медленный выдох, затем направляюсь в душ. Вода обжигает горячая, я пытаюсь смыть с кожи ощущение той спальни, её взгляда, его слов. Но они въелись глубже, под кожу. Надеваю чёрное платье-футляр, которое всегда беру с собой в любую командировку. Доспехи. Наносу макияж с особой тщательностью: чёткие стрелки, идеальный тон. Маска должна быть безупречной.

Спускаюсь в лобби. Оно кипит жизнью: туристы, бизнесмены, пахнет кофе и дорогим парфюмом. И тут я вижу Светлану Дмитриевну. Галеристку из мира гламурной тусовки, охотницу за скандалами и чужими падениями. Её взгляд находит меня мгновенно, словно радар.

— Алиса, родная!.. — наигранно сладкий, пронзительный голос режет пространство. Она плывёт ко мне, сверкая бриллиантами на всех пальцах. — Я только вчера узнала! Ужас, кошмар! Муж и подруга — классический сюжет для дешёвой мелодрамы, не для таких, как мы!

Она обнимает меня, прижимает к груди, от которой несёт тяжёлым цветочным ароматом. Мне физически нехорошо.

— Светлана, — аккуратно высвобождаюсь. — Я очень спешу.

Она цепляется за мою руку мёртвой хваткой.

— Куда спешить, милая? В такой ситуации нужно не бежать, а искать поддержку. У меня как раз освободилась позиция... ну, не куратора, конечно. Ты же понимаешь, с твоим... репутационным грузом сейчас. Но арт-консультантом в моём новом проекте — бутик на Патриарших. Будешь помогать нашим дамочкам выбирать картины в гостиную. Работа лёгкая, не пыльная. Я прикрою тебя, защищу от пересудов.

Её предложение — унижение, упакованное в фольгу показной заботы. «Бутик на Патриарших». Выбирать безделушки для жён олигархов. Это не падение. Это казнь. Замена личности на сувениры.

Я смотрю ей прямо в глаза. Растягиваю губы в улыбке, отточенной на вернисажах.

— Благодарю за заботу, Светлана Дмитриевна. Но я не консультирую по интересерам. Я их создаю. А если вашим дамочкам понадобится моё мнение — пусть записываются в очередь. Как и раньше.

Её холёное лицо на миг искажает злость, но она быстро берёт себя в руки. Злые глаза сверлят меня с ненавистью.

— Ну что ж, гордая... Посмотрим, как долго продержится твоя гордость на хлебе и воде. Москва — маленький мир, детка. И мир этот уже вынес тебе приговор.

Она разворачивается и уходит, оставляя за собой шлейф ядовитых духов и ещё более ядовитой уверенности.

Мне нужно на воздух. Нажимаю кнопку лифта. Двери открываются сразу. В кабине уже кто-то есть. Поднимаю взгляд.

Мужчина. Высокий. В тёмном жакете пилота, брошенном поверх чёрной водолазки. Он убирает в сторону небольшой чемодан на колёсиках, освобождая мне место. Это тот самый человек из лифта в моём бывшем доме.

Наши взгляды встречаются. Он тоже узнаёт меня. В тёмных глазах нет любопытства и нет слащавой жалости. Он, едва заметно, кивает.

— Двенадцатый этаж? — низкий, спокойный голос, без интонаций.

— Да, — отвечаю хрипло. Не могу прийти в себя от унижительного предложения падальщицы.

Лифт трогается. Тишина. Незнакомец не пялится в телефон, а смотрит прямо перед собой. В его позе — привычная собранность, как у хищника в состоянии покоя.

— Вы — Алиса Сомова, — он не спрашивает, а констатирует факт.

Смотрю на него с удивлением.

— Выставка в «Гараже», «Несвязанные состояния», — с небрежной улыбкой продолжает он. — Центральный объект — разбитое зеркало, склеенное золотой смолой. Блестящая работа. Формальная деконструкция, скреплённая древней, почти алхимической метафорой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.